Ю. Каменев.

Крушение интернационала.

Пг. 1917.

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
ЕН 141
К 933

Книгоиздательство „ВОЛНА“.

Ю. Каменевъ.

VL. OULIANOFF

Крушеніе Интернаціонала.

Цѣна ~~30~~ коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1917.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА РАБОЧІЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ СТРАХОВАНІЯ".

Журналъ издается при участіи членовъ Рабочей Страховой группы Страхового совѣта и ставитъ себѣ цѣлью всестороннюю защиту интересовъ рабочаго класса въ дѣлѣ страхованія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 г.—2 р. 50 к., на 6 мѣс.—1 р. 30 к., на 3 мѣс.—65 к., на 1 мѣс.—30 к.

Цѣна отдѣльнаго номера—10 коп.

Адресъ: Петроградъ, Загородный пр., 17, кв. 77.

Съ Августа 1916 года

выходитъ въ Петроградѣ обществ.-политическій и экономическій журналъ

„РАБОЧІЯ ВѢДОМОСТИ"

Журналъ ставитъ себѣ цѣлью всестороннее освѣщеніе положенія и защиту интересовъ и нуждъ широкихъ рабочихъ массъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 годъ—1 руб., на 6 мѣс.—50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера—10 коп.

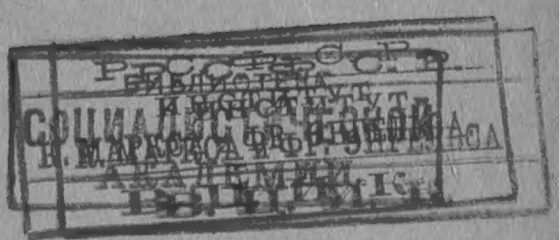
Адресъ: Петроградъ, Свѣчной пер. 11, комн. 78.

Книгоиздательство „ВОЛНА".

EH141
К933

Ю. Каменевъ.

Крушеніе Интернаціонала.



ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

1ЭК3

К. К.

ЕН141
К933

СССР.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Л.

4000 с.т

с.о
4424

(907
33)

1058153

Дозволено военною цензурою за № 8570, 27 октября 1916 г.

Типографія І. Лурье и Ко, Птгр., Гороховая, 48.

Выстрѣлы, грянувшіе на границахъ европейскихъ державъ въ августѣ 1914 г., возвѣстили не только начало міровой войны, но и конецъ одной міровой идеи, одного мірового учрежденія. Идея международной солидарности рабочихъ и основанное на ней учрежденіе постояннаго международнаго общенія рабочихъ всѣхъ странъ съ самаго своего зарожденія противопоставляли себя тѣмъ силамъ, которыя вели и привели Европу къ современной войнѣ. Схватка между силами имперіализма и Интернаціонала должна была стать прелюдіей ко всякой міровой войнѣ. И эта схватка произошла.

Правда, по разнообразнымъ причинамъ, она была безкровной, почти недоступной для посторонняго глаза, и разыгралась не на площадяхъ европейскихъ городовъ, а лишь въ *сознаніи* милліоновъ людей, но результаты ея видны всякому, запечатлѣны фактами, не поддающимся перетолкованію, констатированы десятками соотвѣтствующихъ выступленій и оказались, поистинѣ, убійственными. Сокрушеніе идеи международности и крахъ, развалъ, распадъ 2-го Интернаціонала — таковъ результатъ этой предварительной схватки, расчистившей путь міровой войнѣ. Тенденціи международности были побѣждены стихіями имперіализма и націонализма.

Это не былъ разгромъ внѣшней силой; это былъ внутренній развалъ, капитуляція безъ условій, сдача на милость побѣдителя. Этому можно радоваться (и этому радуются весьма и весьма многіе), надъ этимъ можно печалиться (занятіе—въ достаточной мѣрѣ безплодное), но фактъ *краха*, фактъ побѣды національно-имперіалистическихъ стихій надъ противоположными тенденціями надо признать во всемъ его объемѣ. Всякія попытки „смягчить“ этотъ фактъ краха второго Интернаціонала (1889—1914), „смазать“ его, утѣшиться тѣмъ, что де „перемелется — мука будетъ“, а діалектика общественнаго бытія и этотъ фактъ переваритъ,—надо заранѣе отстранить, какъ лѣкарство, которое завѣдомо хуже самой болѣзни. Конечно, дальнѣйшее общественное развитіе «перемелетъ» этотъ фактъ, конечно, мѣсто не останется незапол-

неннымъ, но и здѣсь „ausschprechen was ist“ есть лучшій и даже единственно-возможный способъ отъ мертваго и разложившагося идти къ новому, живому, не теряя ни единаго атома изъ того, что было хорошаго во вчерашнемъ, и усваивая все то новое, что принесли новыя условія.

Для того, чтобы представить въ полномъ объемѣ размѣры катастрофы, обрушившейся на второй Интернаціоналъ, надо дать себѣ отчетъ въ томъ, что катастрофа пришла какъ разъ тогда, когда объективныя условія, быть можетъ, впервые въ исторіи открывали для него широкую возможность приложенія своихъ методовъ воздѣйствія.

Уже Энгельсъ отмѣчалъ, что первичнымъ элементомъ въ вооруженныхъ конфликтахъ является „возможность распоряжаться силами современной промышленности“. Въ 70-хъ годахъ онъ писалъ, что вся организація и боевой методъ арміи зависятъ въ первую очередь отъ господствующихъ методовъ производства и что, напр., „не только изготовленіе, но и управленіе морскимъ орудіемъ стало отраслью современной промышленности“. „Война машинъ“, „война рабочихъ“ — такъ характеризовалъ основную черту современной войны Ллойдъ-Джорджъ, въ качествѣ бывшаго министра финансовъ и нынѣшняго министра снабженія арміи величайшей міровой имперіи, имѣвшій возможность глубже, чѣмъ кто-либо, вникнуть въ технико-экономическую структуру современнаго военнаго предпріятія. Громадная, невиданная доселѣ, роль завода, техники, рабочаго въ войнѣ не подлежитъ сомнѣнію... Такимъ образомъ, самый характеръ современной войны — въ отличіе отъ войнъ предшествующей эпохи движенія капитализма къ имперіализму—давалъ, казалось бы, широкій базисъ для того воздѣйствія на ходъ событій, которое всегда ставилось цѣлью и о которомъ настойчиво напоминалось и въ 1907, и въ 1910, и въ 1912 г.г.

Но роль рабочаго класса оказалась даже больше, чѣмъ можно было думать. Наглядный примѣръ тому—вопросъ о безработицѣ. Ужасы грандіозной безработицы, которую, казалось, неизбѣжно несетъ съ собой всякая война между развитыми капиталистическими странами, были обычной темой въ устахъ противниковъ милитаризма. На дѣлѣ же война принесла сокращеніе арміи безработныхъ до небывало незначительныхъ размѣровъ, усиленное привлеченіе къ производству труда женщинъ и дѣтей, фактическую (а иногда и законодательную) отмѣну всяческихъ ограниченій въ

дѣлѣ усиленнаго потребленія рабочихъ рукъ. Эти вѣсти несутся и изъ Германіи и изъ Англіи. Обнаружился не избытокъ, а недостатокъ рабочихъ рукъ и это, естественно, должно было привести къ повышенію соціальнаго вѣса рабочаго класса въ дѣлѣ оборудованія современной войны.

И вотъ въ то время, какъ техника имперіалистической войны XX в. предоставила для рабочаго класса такой широкій базисъ для непосредственнаго вліянія на ходъ событій, оказалось, что самое желаніе воздѣйствовать въ духѣ „старыхъ принциповъ“ куда-то улетучилось, испарилось, что самый „духъ“ какъ-бы измѣнился.

Неписанный договоръ международной солидарности оказался такъ же легко разорваннымъ и растоптаннымъ, какъ и многіе международные государственные договоры.

Каутскій, заявившій, что Интернаціоналъ является дѣеспособнымъ только во время мира и выступившій съ началомъ міровой войны теоретикомъ „самоограниченія“ задачъ Интернаціонала, этими своими заявленіями только окончательно засвидѣтельствовалъ банкротство того Интернаціонала, отъ имени котораго онъ хотѣлъ и имѣлъ право говорить.

Впрочемъ, международное объединеніе, — въ сознаніи теоретиковъ и практиковъ движенія, — никогда не было цѣлью само по себѣ. Оно всегда рисовалось какъ неизбѣжное орудіе къ достиженію другой, общей, „конечной“ цѣли. И можно было бы сказать, что орудіе сломано и отброшено именно потому, что цѣль, къ достиженію которой оно было направлено, неожиданно съ началомъ войны оказалась негодной, утопичной, противорѣчащей ходу вещей. Если бы это было такъ, если бы цѣль, во имя которой создавался, работалъ и существовалъ Интернаціоналъ, оказалась вдругъ вычеркнутой изъ жизни, тогда, конечно, не зачѣмъ было бы держаться и за одно изъ средствъ достиженія этой цѣли.

Однако, событія принесли доказательства какъ разъ обратнаго. Въ организаціи внутренней хозяйственной жизни воюющихъ капиталистическихъ державъ война демонстрировала не крушеніе идей, ради которыхъ создавался Интернаціоналъ, а, наоборотъ, крушеніе нѣкоторыхъ основныхъ и, казалось бы, незыблемыхъ принциповъ капитализма.

Нужно сказать тутъ же,—то регулированіе хозяйственной жизни, то вмѣшательство государства въ ходъ производства и обмѣна, а отчасти и распредѣленія продуктовъ народнаго труда,

которое характеризуетъ самую любопытную сторону современной эпохи, не имѣетъ ничего общаго съ идеаломъ Маркса.

Государственное вмѣшательство въ хозяйственную жизнь страны, къ которому должны были прибѣгнуть и Англія и Германія (въ особенности послѣдняя), имѣетъ своей базой, своей предпосылкой мощное развитіе капитализма, централизацію капиталовъ, предварительное сосредоточеніе экономическаго могущества въ рукахъ финансоваго капитала, далеко впередъ зашедшій прогрессъ трестированія промышленности, наконецъ, широкое развитіе организованности на базѣ капиталистическаго производства, какъ среди предпринимателей, такъ и среди потребителей и производителей. Поэтому же, между прочимъ, соотвѣтствующія явленія не могутъ имѣть мѣста, а попытки въ данномъ направленіи заранѣе обречены на гибель тамъ, гдѣ этихъ предпосылокъ широкаго развитія капитализма нѣтъ еще налицо. Здѣсь соотвѣтствующія мѣры просто выражаются въ „полицейскую экономію", въ экономическій подкупъ и демагогію.

Столь же мало, какъ и указанныя сейчасъ явленія высоко развитаго капитализма, служащія ему базой, Kriegssozialismus [1]) затрагиваетъ основные институты современнаго общества. Онъ не разрѣшаетъ созданныхъ ими и коренящихся въ нихъ противорѣчій, а только до невиданной степени обостряетъ ихъ, демонстрируя въ то же время въ искаженномъ видѣ тѣ методы регулированія хозяйственной жизни, которые идутъ на смѣну частнохозяйственнаго принципа.

Въ этомъ именно смыслѣ можно и должно признать, что міръ созрѣлъ для воспріятія новыхъ принциповъ хозяйственной жизни. Внѣшнее крушеніе Интернаціонала какъ бы совпало съ моментомъ особо-широкой демонстраціи жизненности руководившихъ имъ соціальныхъ идей. Но этого мало.

Вызванный къ жизни спеціальными обстоятельствами: необходимостью передъ лицомъ внѣшней опасности поднять продуктивность общества, внести планомѣрность въ его экономическую жизнь, обезпечить себя отъ катастрофъ изнутри помощью обезпеченія извѣстного минимума существованія для широкихъ слоевъ,—Kreigssozialismus неизбѣжно затрагиваетъ нѣкоторыя

[1]) Этимъ терминомъ („военный соціализмъ") въ Германіи обозначаютъ рядъ мѣропріятій экономическаго характера, направленныхъ къ обезпеченію хозяйственной жизни страны.

притязанія могущественныхъ соціальныхъ группъ и ограничиваетъ ихъ непомѣрно раздувшіеся, — по случаю войны, — аппетиты [1]).

Исторія борьбы за хлѣбную и другія монополіи съ аграріями въ Германіи, исторія закона о максимумѣ прибылей въ Англіи наглядно показываютъ это. И то и другое сдѣлалось возможнымъ въ концѣ концовъ не благодаря предусмотрительному разуму государственныхъ мужей, а благодаря прямому и косвенному вліянію соціальной мощи трудящихся.

Итакъ, современная война принесла не только широкія возможности воздѣйствія на ходъ событій со стороны играющаго въ ней небывало-значительную и непосредственную роль рабочаго класса, но и проникновеніе въ современную хозяйственную жизнь крупнѣйшихъ странъ, хотя бы въ искаженномъ, извращенномъ видѣ, — нѣкоторыхъ его соціальныхъ принциповъ и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовала его соціальную мощь.

Налицо, казалось бы, всѣ предпосылки для рѣшительнаго проявленія его воли.

Отсутствіе этихъ проявленій нельзя объяснить ни его слабостью, какъ соціальной группы (напротивъ, его значеніе именно въ текущихъ событіяхъ вскрылось во всемъ своемъ объемѣ), ни крушеніемъ его общаго идеала (онъ сталъ теперь реальнѣе, конкретнѣе доказалъ свое соотвѣтствіе ходу хозяйственнаго развитія въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда-либо), ни, наконецъ, невозможностью непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ (въ „войнѣ машинъ“, употребляя выраженіе Ллойдъ-Джорджа, подобное вліяніе впервые получило техническую основу и могло найти соотвѣтствующіе характеру данной группы методы).

---

[1]) Одинъ изъ серьезнѣйшихъ идеологовъ германскаго имперіализма, П. Рорбахъ, хорошо понималъ, о чемъ идетъ рѣчь въ современной войнѣ, когда въ первые же дни войны писалъ въ предисловіи въ своей извѣстной книгѣ: „Вопросъ о побѣдѣ есть для насъ вопросъ нашихъ нравственныхъ національныхъ силъ, *вопросъ о томъ, насколько* способны къ жертвамъ для пропитанія трудящейся части народа тѣ имущіе классы, которые въ состояніи удѣлить отъ себя что-нибудь даже тогда, когда заработная плата рабочихъ будетъ все меньше и меньше удовлетворять его потребностямъ... Быть-можетъ, намъ придется ввести добровольный или принудительный высокій поимущественный налогъ не для покрытія военныхъ издержекъ, а въ цѣляхъ *передачи нѣмецкаго хлѣба и мяса въ руки тѣхъ, которые не въ состояніи его себѣ заработать*“. П. Рорбахъ. Война и германская политика. Съ пред. проф. С. Котляревскаго. М. 1915 г. стр. XIII. (курс. нашъ).

Тѣмъ рѣзче всей этой соціально-политической обстановкѣ противостоитъ фактъ крушенія не только международной организаціи, но и самой идеи международной солидарности въ достаточно-широкихъ кругахъ вождей и рядовыхъ дѣятелей движенія. Какъ мы уже упомянули, этого никакъ нельзя объяснить дѣйствіемъ одной только внѣшней принудительной силы. Внутри самого рабочаго движенія послѣднихъ десятилѣтій должны были существовать тѣ тенденціи, которыя—при благопріятныхъ обстоятельствахъ—могли привести къ разложенію Интернаціонала на національныя части и сдѣлать бывшихъ союзниковъ врагами. Иначе пришлось бы все происшедшее въ рядахъ Интернаціонала признать чудомъ или же допустить, что въ самое содержаніе международной солидарности входитъ необходимость періодическаго взаимоистребленія солидарныхъ другъ съ другомъ группъ. Такъ именно разсуждалъ Каутскій въ своей извѣстной статьѣ о международности и національности. Такъ продолжаютъ разсуждать въ Германіи Кольбы, Гейне и Ленши, и не одни только авторы, пишущіе на нѣмецкомъ языкѣ. Эти разсужденія лишь симптомъ *подчиненія* нѣкоторыхъ теоретиковъ чуждой имъ прежде стихіи имперіализма.

Но гдѣ же тѣ условія, благодаря которымъ Каутскіе и Ленши (и не только они) оказались столь податливыми заразѣ, шедшей изъ круговъ Рорбаховъ и Гельфериховъ?

Еще въ 1847 г. въ своей извѣстной лекціи о „наемномъ трудѣ и капиталѣ“ Марксъ, между прочимъ, замѣтилъ, что „быстрый ростъ капитала является самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда“. Въ поясненіе Марксъ добавилъ еще слѣдующее:... „чѣмъ быстрѣе рабочій увеличиваетъ чужія богатства, тѣмъ болѣе жирныя крохи достаются ему самому, тѣмъ больше рабочихъ можетъ получить заработокъ, тѣмъ больше можетъ увеличиться число рабочихъ-рабовъ капитала“ [1]). „Быстрый ростъ капитала“, о которомъ говорилъ Марксъ, за послѣднія десятилѣтія совершался въ формѣ завоеванія капиталомъ новыхъ сферъ приложенія и рынковъ сбыта, въ формѣ *имперіализма*.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ, почему это именно такъ. Отмѣчаемъ только фактъ: „быстрый ростъ капитала“, являющійся, по словамъ Маркса, самымъ благопріятнымъ условіемъ для

[1]) Прошу замѣтить: въ цитированномъ мѣстѣ Марксъ сказалъ не только это. Онъ тутъ же подчеркнулъ и обратную сторону медали. Къ этой обратной сторонѣ мы еще вернемся ниже.

наемнаго труда, привелъ къ финансовому капитализму и имперіализму, а этотъ послѣдній сталъ самъ условіемъ дальнѣйшаго „быстраго роста капитала“. Что же случилось при этомъ съ тѣми „болѣе жирными крохами“, которыя достаются рабочему при „быстромъ ростѣ капитала?“

Однимъ изъ первыхъ, занявшихся вплотную вопросомъ о вліяніи имперіализма на положеніе рабочаго класса, былъ извѣстный австрійскій ученый и публицистъ Отто Бауэръ. Общая тенденція его книги „Національный вопросъ и соціалъ-демократія“ представляется намъ въ корнѣ ошибочной. При самомъ ея появленіи (въ 1907 г.) Каутскій отмѣтилъ уклонъ автора къ національному моменту въ ущербъ интернаціональному. Бауэръ потратилъ, однако, въ этой книгѣ немало труда на оцѣнку того, что несетъ съ собой имперіализмъ для рабочаго класса. И вотъ его выводъ: „Изслѣдуя вліяніе экономической политики современнаго капитализма на положеніе рабочаго класса, мы получаемъ довольно *пеструю* картину. Имперіализмъ, съ одной стороны, увеличиваетъ благосостояніе пролетаріата: ускоряя отливъ капитала въ производительную сферу, сокращая оборотный періодъ капитала, увеличивая количество общественнаго производительнаго капитала нѣкоторой частью разности накопленія, имперіалистическая политика *подымаетъ спросъ на рабочія силы*; заставляя порабощенные народы отпускать господствующимъ капиталистическимъ націямъ хлѣбъ и мясо, хлопокъ и шерсть, она *повышаетъ въ Европѣ реальную заработную плату*“. Далѣе Бауэръ характеризуетъ и отрицательныя стороны вліянія экономики и имперіалистической эпохи и приходитъ къ слѣдующему итогу: „изъ всего этого видно, что рабочій классъ имѣетъ гораздо *меньшую долю* въ колоніальныхъ богатствахъ, чѣмъ имущіе классы“.

Познакомившись съ этими выводами Бауэра, мы уже не удивимся, когда услышимъ отъ него слѣдующую характеристику позиціи рабочаго класса по отношенію къ имперіализму. „Повсюду,— пишетъ нашъ авторъ,—пролетаріатъ относится къ нему (къ имперіализму) очень сдержанно, трезво высчитывая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, стоятъ ли дѣйствительно выгоды имперіализма требуемыхъ отъ него жертвъ. Его сдержанность превращается въ недовѣріе, когда онъ видитъ, что трудно высчитать всѣ послѣдствія даннаго положенія имперіалистской политики. Такъ рабочій классъ сохраняетъ хладнокровіе, межъ

тѣмъ, какъ классъ капиталистовъ опьяняется... Такъ пролетаріатъ сохраняетъ разсудительность, тогда какъ имущіе классы теряютъ всякое самообладаніе, стремясь къ господству надъ милліонами людей беззащитныхъ народовъ“ [1]).

Мы покуда не занимаемся оцѣнкой правильности или неправильности подобной позиціи пролетаріата: мы хотимъ только поближе подойти къ дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія придется признать, пожалуй, что Бауэръ вѣрно намѣтилъ *нѣкоторыя* черты того вліянія, которое имперіализмъ оказываетъ на *нѣкоторые* слои пролетаріата крупныхъ капиталистическихъ державъ. А изъ нарисованной имъ картины слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ слояхъ пролетаріата, несмотря на все ихъ „хладнокровіе“ и „разсудительность“, могутъ при извѣстныхъ условіяхъ создаваться настроенія, весьма легко поддающіяся эксплоатаціи со стороны активныхъ имперіалистовъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что наличность подобныхъ тенденцій создавала великолѣпную питательную среду для идей рабочаго оппортунизма, не разъ заигрывавшаго съ колоніально-имперіалистической идеологіей.

Въ настоящее критическое время идеи этого рода овладѣли умами многихъ теоретиковъ, которые еще такъ недавно считались вѣрными хранителями марксистскаго ученія.

Вотъ германскій соціалъ-имперіалистъ Леншъ. Онъ пытается обосновать тотъ тезисъ, что пораженіе Германіи „было бы самымъ ужаснымъ ударомъ, который можетъ быть нанесенъ соціализму“ (!?). Этотъ свой тезисъ онъ обосновываетъ тѣмъ соображеніемъ, что побѣда Англіи снова возстановила бы ея господство въ міровой торговлѣ, вернула бы время баснословныхъ барышей англійскихъ промышленниковъ, „сдѣлала бы возможнымъ удовлетвореніе требованій англійскихъ рабочихъ и они снова были бы отвлечены отъ международнаго соціалистическаго движенія, англійскій пролетаріатъ снова оказался бы заинтересованнымъ въ міровомъ господствѣ своей буржуазіи и изъ общественнаго слоя, борющагося съ капитализмомъ, превратился бы, наоборотъ, въ гвардію капитализма“ [2]).

---

[1]) О. Бауэръ. „Національный вопросъ и соціалдемократія“. СПБ. 1909. стр. 506—508.

[2]) „Die deutsche Socialdemocratie und der Weltkrieg“. Ein politische Studie von Dr. Paul Lensch. Berlin. 1915. Брошюра реферирована въ „Русской Мысли“, 1915 г., VIII.

Докторъ Леншъ полагаетъ, что отъ этой печальной перспективы спасти англійскихъ рабочихъ можетъ только музыка германскихъ пушекъ.

Какими бы чудовищно-нелѣпыми ни казались намъ выводы Ленша, ясно, что вся его схема построена на признаніи факта экономической заинтересованности пролетаріата въ имперіалистической мощи своей страны. Но въ кругу *той же буквально* идеи вращается и мысль Плеханова. Онъ разсуждаетъ совершенно такъ же, какъ и Леншъ, примѣняя ту же схему уже не къ англійскому, а къ германскому пролетаріату. „Если Германія побѣдитъ,—пишетъ Плехановъ,—то она создастъ, насчетъ побѣжденныхъ народовъ, исключительно выгодное положеніе для своей промышленности. Такое исключительное положеніе несомнѣнно принесетъ извѣстныя выгоды германскому пролетаріату... Рабочій классъ *болѣе или менѣе смутно догадывается объ этомъ*—и храбро дерется „за существованіе Германіи“. „Если Германія,—продолжаетъ Плехановъ,—побѣдитъ, и если въ карманы нѣмецкихъ рабочихъ перепадетъ нѣкоторая часть добычи, то германскій соціализмъ будетъ „пересмотрѣнъ“ (ревизованъ) до тла, и германскіе соціалъ-демократы заговорятъ такимъ языкомъ, котораго мы до сихъ поръ и не слыхивали“ [1]).

Какъ мы видимъ, Леншъ и его двойникъ вращаются въ кругу той идеи, что рабочіе *данной* страны заинтересованы въ собственноручномъ сокрушеніи имперіалистической буржуазіи *чужой* страны во имя интересовъ рабочихъ этой послѣдней. Леншъ поддерживаетъ германскій имперіализмъ, вотируетъ ему кредиты, развращаетъ сознаніе германскихъ рабочихъ, проповѣдуетъ Burgfrieden и т. д., потому, видите-ли, что онъ весьма озабоченъ обученіемъ англійскихъ рабочихъ... соціализму. Странный методъ оказывать услуги соціализму! Странный методъ толкованія интернаціонализма! Но дѣло происходитъ именно такъ: Леншъ и его двойникъ съ одинаковой энергіей проповѣдуютъ „соціальный миръ“... для своихъ земляковъ и рекомендуютъ его нарушеніе въ возможно болѣе рѣшительной формѣ своимъ единомышленникамъ-иноземцамъ. Картина, достаточно выразительная съ точки зрѣнія... впрочемъ, она выразительна со всякой точки зрѣнія.

Если мы теперь къ тѣмъ „болѣе жирнымъ крохамъ“, которыя выпадаютъ на долю массъ съ „быстрымъ ростомъ капитала“, къ

---

[1]) Г. Плехановъ. Еще о войнѣ. „Совр. М.“, 1915, кн. VIII, стр. 244-245.

„трезвому высчитыванію выгодъ и невыгодъ имперіализма“, къ стихійному сознанію („смутной догадкѣ“ Плеханова) заинтересованности въ побѣдѣ роднаго имперіализма прибавимъ давленіе внѣшней силы государственной машины, вліяніе на рабочихъ многоразличныхъ и громко-звучащихъ фетишей, доставшихся ему въ наслѣдство отъ либерально-демократической идеологіи, отраву, вносимую въ сознаніе всей атмосферой буржуазной идеологической культуры съ ея желтой и биржевой прессой, націоналистической наукой и т. д., наконецъ, недостаточно развившуюся волю къ сопротивленію,— то мы будемъ имѣть уже достаточно матеріала для сужденія о тѣхъ силахъ, которыя разложили Интернаціоналъ на его составныя части.

* * *

Читатель, расположенный торопиться съ выводами, вѣроятно, воскликнетъ здѣсь: значитъ, правы были тѣ, кто упрекалъ дѣятелей рабочаго движенія послѣднихъ десятилѣтій въ утопизмѣ, въ томъ, что они строили свое зданіе не на дѣйствительныхъ тенденціяхъ рабочаго движенія, а вопреки этимъ тенденціямъ. На это мы замѣтимъ покуда, что то, о чемъ до сихъ поръ говорили, представляетъ только *одну изъ силъ*, воздѣйствующихъ на ходъ движенія. Это сила консервативная, связывающая движенія. *Преодолѣвая* ее и все больше и больше отодвигая ее на задній планъ, въ качествѣ опредѣляющей силы движенія выступаютъ противоборствующія тенденціи. Спеціальныя условія,— какъ, напр., тѣ, которыя создали классическій англійскій трэдъ-юніонизмъ, или опредѣлили специфическія черты германскаго профессіональнаго движенія,— могутъ временно привести къ торжеству этихъ консервативныхъ силъ въ рабочемъ движеніи. Именно на этой почвѣ произростаетъ чертополохъ „чистаго профессіонализма“, либеральной рабочей политики, оппортунизма и соціалъ-націонализма. Имено эти тенденціи во всемъ ихъ объемѣ имѣли въ виду Марксъ и Энгельсъ въ томъ знаменитомъ мѣстѣ своего манифеста 48 г., въ которомъ они противопоставляли групповымъ, цеховымъ, профессіональнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ „интересы всего движенія въ цѣломъ“ и видѣли свою и своихъ единомышленниксвъ специфическую задачу именно въ отстаиваніи этихъ послѣднихъ. Здѣсь именно съ геніальнымъ чутьемъ положили они водораздѣлъ между своимъ ученіемъ и ученіемъ всѣхъ другихъ группъ, претендующихъ представлять четвертое сословіе. Отдавая себѣ полный отчетъ въ наличности той золотой цѣпи, которая

способна на время связать *нѣкоторые* интересы *нѣкоторой* части рабочихъ со стремленіемъ современной промышленности къ колоніально-имперіалистическому расширенію и временно исказить, такимъ образомъ, общій характеръ движенія, Марксъ усиленно рекомендовалъ вскрывать ея призрачность, ея обманчивость, ея относительность... И онъ опирался при этомъ на обратную сторону того же самаго прогресса, который создаетъ заинтересованность пролетаріата въ „быстромъ ростѣ капитала".

«Если,—писалъ Марксъ въ той же работѣ, которую мы выше цитировали,—съ быстрымъ ростомъ капитала увеличивается доходъ рабочаго, то въ то же время увеличивается и общественная пропасть, отдѣляющая рабочаго отъ капиталиста, увеличивается власть капиталиста, увеличивается власть капитала надъ трудомъ, зависимость труда отъ капитала... При быстромъ ростѣ капитала заработная плата можетъ, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрѣе увеличивается, во всякомъ случаѣ, прибыль капиталиста. Матеріальное положеніе рабочаго улучшается, но улучшается на счетъ его общественнаго положенія. Пропасть, отдѣляющая его отъ капиталиста, расширяется». Эту-то «пропасть» можетъ на моментъ скрыть отъ сознанія заинтересованныхъ золотая сѣтка, созданная «быстрымъ ростомъ капитала». Тогда на этой сѣткѣ могутъ быть любителями вышиты узоры «соціальнаго мира». Но тѣмъ грознѣе развертывается эта пропасть, когда самый ходъ событій срываетъ, въ концѣ концовъ эту обманчивую сѣть. Міровая война имперіализма принадлежитъ именно къ такимъ событіямъ, которыя быстрѣе всего и рѣшительнѣе всего способны похоронить иллюзіи, созданныя предшествовавшей эпохой и даже именно въ ней получившія свое полное развитіе.

Общественный процессъ — діалектиченъ по самому своему существу. Діалектично и ученіе Маркса. Оно полагаетъ необходимой предпосылкой для осуществленія новаго общественнаго строя широкое и полное развитіе противоположнаго ему капиталистическаго хозяйства. Ростъ анти-капиталистическихъ тенденцій въ рабочемъ классѣ оно разсматриваетъ какъ результатъ самого же капиталистическаго накопленія. Въ томъ же процессѣ, который создаетъ видимость заинтересованности пролетаріата въ возростаніи капитала, оно видитъ прогрессирующее расширеніе и углубленіе той пропасти, которая отдѣляетъ одинъ классъ отъ другого.

* * *

Марксъ—основатель научнаго соціализма, превратившій послѣдній «изъ утопіи въ науку», идейный вождь и вдохновитель всего анти-капиталистическаго движенія XIX и XX в.в. Но Марксъ въ то же время и величайшій «оправдатель» капитализма: для познанія и признанія капитализма, какъ неизбѣжной и могущественной формы развитія производительныхъ силъ, Марксъ сдѣлалъ больше, чѣмъ вся вульгарная буржуазная апологетика, вмѣстѣ взятая. Какъ же возможна подобная, противорѣчивая на простодушный взглядъ, позиція? Она стала возможной и необходимой съ того момента, какъ было вскрыто, что самъ процессъ развитія капитализма вырабатываетъ силу, способную осуществить противоположный ему соціальный строй. Осуществленіе послѣдняго съ этого момента ставилось въ зависимость не отъ стихійнаго хода вещей, а отъ возрастающей способности производителей активно обладать этимъ процессомъ, отъ классовой активности.

Это ученіе объ активности было той солью, которой солоно все ученіе. Стоило вырвать или хотя бы на время устранить этотъ элементъ изъ своего горизонта—и все ученіе извращалось, впередъ выступало фаталистическое представленіе объ автоматическомъ ходѣ развитія общественныхъ отношеній, представленіе объ автоматическомъ развитіи къ идеалу, о врастаніи въ будущее на путяхъ частичныхъ уступокъ и мелкихъ схватокъ, во время которыхъ нѣтъ нужды аппелировать къ «конечнымъ цѣлямъ», какъ къ какой-либо практической задачѣ.

Различныя историческія эпохи накладывали свой отпечатокъ на пониманіе и формы приложенія обще-признанной, казалось бы, теоріи. Поколѣніе, воспитавшееся на традиціяхъ великой борьбы народовъ конца XVIII и начала XIX вв., возмужавшее и созрѣвшее въ историческую эпоху, начавшуюся 48-ымъ г. и законченную парижской коммуной, всегда и постоянно выдвигало впередъ активную сторону ученія. Его эпоха была эпохой кризисовъ и потрясеній по преимуществу. 48-ой годъ во Франціи, Германіи и Австріи, чартизмъ въ Англіи, борьба Венгріи и Польши; возстанія и объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, войны 53—54, 59, 66, 70—71 г.г.—все это сконцентрировалось на промежуткѣ четверти столѣтія и не могло дать почвы для развитія пассивизма въ теоріи и поссибилизма въ тактикѣ. Эпоха внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, войнъ и возмущеній, въ которыхъ рѣшались основные вопросы національно-

политическаго устройства Европы и Америки, напитала своимъ активнымъ духомъ всю идеологію движенія. Но бурная эпоха отошла въ прошлое, и ученіе, созданное въ ея атмосферѣ, стало искажаться, вульгаризироваться и оскопляться примѣнительно къ новой эпохѣ, точнѣе, къ тѣмъ чертамъ ея, которыя обезпечили ей 40-лѣтнее «мирное» выжиманіе прибавочной стоимости.

Это была эпоха широкаго развитія капитализма на почвѣ установившагося распредѣленія общественныхъ силъ внутри государства и закрѣпленнаго распредѣленія территорій между ними. Основы буржуазнаго правопорядка были незыблемо установлены во всѣхъ капиталистически-развитыхъ странахъ. Двусторонній процессъ борьбы буржуазіи за независимость національной территоріи и за свое соціальное господство надъ ней,—борьбы, создавшей лихорадочную эпоху 1848—1871 г.г.,—закончился и въ дальнѣйшемъ размѣнялся на рядъ *сдѣлокъ* между различными группами владѣющихъ классовъ. Тѣ остатки феодализма, которые буржуазія въ свои юные годы подвергла рѣшительной теоретической—рѣже, столь же рѣшительной практической,—критикѣ, теперь были признаны ею какъ необходимые элементы ея господства.

Болѣе того. Поскольку въ свои права вступала имперіалистическая эпоха, поскольку буржуазія, устроившись на національномъ рынкѣ, открыла эру борьбы за колоніи, поскольку «вооруженный миръ» сталъ неизбѣжной формой существованія національно-капиталистическихъ государствъ и ихъ соревнованія на міровой аренѣ,—постольку остатки феодализма въ глазахъ буржуазіи вновь получили ореолъ необходимыхъ руководителей національной жизни и охранителей ея внѣшняго и внутренняго имущества. Въ этой атмосферѣ не оставалось мѣста для рѣшительной постановки какой бы то ни было политической проблемы. Борьба за власть была снята съ очереди дня и въ теченіе почти полустолѣтія не играла никакой реальной роли въ политической жизни Европы.

Эта общая атмосфера «органической» эпохи должна была наложить свой отпечатокъ и на рабочее движеніе. Практически и идеологически оно двигалось въ рамкахъ отведенной ему легальности. Тогда именно появились навязанныя Энгельсу верхами германской соціалъ-демократіи соображенія о «красныхъ щекахъ, нагуливаемыхъ движеніемъ въ рамкахъ законности». Та *практика*, въ которой реально воспитывались милліоны членовъ партіи,

союзовъ и кооперативовъ, была практикой борьбы за отдѣльныя, частичныя уступки отъ господствующихъ и реально не выводила эти милліоны *за предѣлы работы въ рамкахъ данной націи—государства*. Меньше всего настроеніе и практика опредѣлялись проблемами борьбы за власть, т. е. той задачей, которая единственно и преобразуетъ разрозненныя попытки улучшенія своего положенія въ систематическую борьбу за конечныя цѣли.

Тутъ кстати будетъ привести характеристику настроеній, господствовавшихъ въ германской партіи, сдѣланную въ брошюрѣ ея членовъ Лауфенберга и Вольфгейма (Imperialismus und Demokratie. Hamburg. 1914) [1]) „Тотъ фактъ, что германская соціалъ-демократія постоянно усиливала свое вліяніе, что ей удалось провести нѣкоторыя реформы, что колоссально возросло число подаваемыхъ за нее голосовъ,—все это породило вѣру, будто соціалъ-демократія врастаетъ въ государство будущаго... Тѣсно связаннымъ съ этимъ взглядомъ было представленіе о томъ, будто парламенты сами усиливаютъ свою власть за счетъ внѣпарламентскихъ властей... и что, поэтому, національное государство есть послѣднее слово соціализма..." Соціалъ-демократія врастала въ государство, о да! но не въ «государство будущаго», а только въ современное государство, и голосованіемъ 4-аго августа 1914 г. показала, какъ далеко зашло это врастаніе, добавимъ мы отъ себя. Въ приведенной характеристикѣ интересна не только общая картина, но и мимоходомъ брошенное замѣчаніе о томъ естественномъ процессѣ, который ведетъ отъ общаго оппортунизма къ націонализму.

Всего яснѣе можно было наблюдать этотъ процессъ въ Германіи, т. е. тамъ именно, гдѣ соціалъ-демократія и вообще была всего сильнѣе. Именно въ этомъ искаженномъ, вульгаризированномъ и уродливо-обрубленномъ видѣ ученіе Маркса преподносилось тамъ въ большихъ дозахъ рабочимъ массамъ. Оно становилось для нихъ не противоядіемъ, а идейнымъ оправданіемъ отступленій отъ духа классовой борьбы; вмѣсто орудія выдѣленія общихъ элементовъ «всего движенія въ цѣломъ изъ груды противорѣчивыхъ временныхъ, профессіональныхъ, національныхъ, групповыхъ интересовъ, получился методъ оправданія господства этихъ цеховыхъ интересовъ надъ интересами общими. Искаженный марксизмъ,—на дѣлѣ взявшій изъ Маркса лишь то,

---

[1]) Цитата взята изъ корреспонденціи Энзиса. С. М. VI. стр. 103.

что беретъ у него и всякій просвѣщенный профессоръ, вродѣ Зомбарта,—сталъ теоріей *поддакивающей* сначала буржуазной наукѣ, а затѣмъ и высшему органу современной буржуазной практики—имперіалистическому государству. Германскіе Легины, Давиды и Шейдеманы—живая тому иллюстрація. Что эти господа и имъ подобные пришли прямымъ путемъ къ открытой измѣнѣ «старымъ принципамъ», было естественно, и это было бы еще съ полбѣды.

Хуже было то, что и тѣ, кто не хотѣлъ «ревизовать»,—подъ могущественнымъ вліяніемъ эпохи—превратили свою доктрину въ теорію «пассивнго радикализма», по прекрасному выраженію Панекука, въ радикализмъ, выжидавшій радикальныхъ событій, пророчившій ихъ, но прекрасно уживавшійся съ оппортунистической практикой. Эта часть идеологовъ дополняла ограниченность данныхъ формъ движенія лишь однимъ: предсказаніями о наступленіи въ будущемъ *новой* эпохи, эпохи критическаго разрѣшенія накопленныхъ противорѣчій. Оппортунизмъ видѣлъ въ поссибилистской практикѣ текущаго дня—«все», радикализмъ—въ той же поссибилистской практикѣ видѣлъ еще и «накопленіе силъ» для будущей... бурной эпохи.

При этихъ условіяхъ «пассивный радикализмъ» оказывался не только довольно невинной привѣской къ той практикѣ, которая по существу была поссиблистской, но и становился силой консервативной, скорѣе охранявшей старое, чѣмъ открывавшей дорогу новымъ, болѣе активнымъ пріемамъ, требовавшимся характеромъ новой эпохи. Если въ германской генеральной комиссіи профессіональныхъ союзовъ, въ редакціяхъ оппортунистическихъ газетъ и среди ревизіонистскаго большинства фракціи германскаго рейхстага былъ подготовленъ штабъ идеологовъ и практиковъ соціалъ-имперіализма, то и быстрая капитуляція передъ нимъ Каутскихъ, Гаазе и др. была подготовлена всей позиціей «пассивнаго радикализма». Въ день 4 августа 1914 г. Каутскаго раздавила не аргументація Давидовъ, Бернштейновъ и Легиновъ, а тотъ фетишизмъ легальности, та неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, та боязнь растраты «накопленныхъ силъ», та неприспособленность къ активнымъ массовымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ воспитала массы вся предшествующая практика какъ Легиновъ, такъ и Гаазе.

Правда, Каутскій, защищая свою тактику въ спорѣ съ новаторами, Розой Люксембургъ, Панекукомъ и др., еще за 2—3 года до войны всегда прибавлялъ, что тактика будетъ измѣнена въ

БИБЛИОТЕКА
1058153
БИБЛИОТЕКА
КПСС

моментъ „кризиса“, но когда кризисъ пришелъ, прошлое партіи, ея навыки, ея психологія оказались сильнѣе обѣщанія Каутскаго измѣнить ихъ.

Пассивный радикализмъ капитулировалъ какъ разъ тогда, когда онъ долженъ былъ показать себя активнымъ. Иначе и не могло быть. Радикализмъ Каутскаго, не вычеркивая „конечной цѣли“, какъ это дѣлалъ Бернштейнъ, всегда и постоянно выводилъ ее за предѣлы практической политики текущаго историческаго дня. Она была для него идеологической схемой, но никогда регулирующимъ моментомъ практической политики. Именно поэтому всего нетерпимѣе за послѣдніе годы относился Каутскій къ той группѣ германской партіи, идейная работа которой—въ существѣ своемъ—сводилась къ указанію наростающихъ элементовъ гражданской войны, къ обсужденію ея проблемъ и къ попыткамъ немедленно же освоить германскій пролетаріатъ съ этими проблемами и вытекающими изъ новаго положенія тактическими пріемами (Панекукъ, Люксембургъ, Либкнехтъ, редакція Бременской газеты и т. д.).

Въ эпоху 71—905 г.г. пассивный редикализмъ Каутскихъ (и его соратниковъ, Плехановыхъ и др.) выполнилъ великую работу: въ своей борьбѣ съ оппортунизмомъ онъ спасъ марксизмъ отъ окончательнаго опошленія; въ будничную и необходимую работу собиранія и сплоченія силъ, угрожавшихъ разбиться на десятки группъ и частныхъ интересовъ, онъ внесъ идею „цѣли“, въ качествѣ объединяющей и регулирующей идеи; онъ совершилъ крупную просвѣтительную работу. Но—самъ продуктъ эпохи органическаго, мирнаго развитія, позабывшей, казалось, о крупныхъ потрясеніяхъ и рѣшительныхъ сдвигахъ во-внѣ и внутри сложившихся капиталистическихъ государствъ—онъ не замѣтилъ, какъ подошла новая эпоха со своими новыми отношеніями и новыми требованіями. Онъ, въ лицѣ главнаго органа марксистской теоретической мысли, нѣмецкаго журнала „Neue Zeit“, рѣшительно ополчился противъ тѣхъ, кто въ преддверіи новой эпохи требовалъ и новой тактики. Здѣсь именно лежалъ водораздѣлъ между двумя эпохами, и въ публицистикѣ критиковъ пассивнаго радикализма можно было уже до войны вычитать предчувствіе эры грозныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ катастрофъ.

* * *

Новая эпоха открывается русско-японской войной. И до нея англо-бурская и испано-американская войны, англо-франко-германскіе споры объ Африкѣ, китайская экспедиція всего европейскаго

концерта въ цѣломъ знаменовали начало конца „органической“ эпохи. Но только послѣ 1904—05 г.г. критическій, катастрофическій характеръ надвигающейся эпохи сталъ совершенно ясенъ.

1905 годъ оказалъ непосредственное вліяніе въ трехъ направленіяхъ. Онъ былъ прелюдіей демократическаго пробужденія всего Востока, устремившагося по пути созданія національныхъ, современнаго типа государствъ; этимъ путемъ Востокъ расчитывалъ освободиться отъ положенія вассала европейскаго капитала и тѣмъ— объективно — содѣйствовалъ обострению апетитовъ послѣдняго.

1905 годъ обострилъ отношенія между Германіей и Англіей: именно въ этомъ году идея англо-русскаго союза, какъ оплота противъ усилившагося въ благопріятной обстановкѣ дальневосточныхъ событій положенія Германіи, сдѣлала такіе успѣхи, которыхъ она не могла добиться за рядъ предшествовавшихъ десятилѣтій.

Наконецъ, только послѣ 1905 г. германская соціалъ-демократія *впервые* за все время своего существованія смогла поставить на очередь дня вооросъ о новыхъ методахъ борьбы, о массовой стачкѣ (конгрессъ 1906 г., работы Р. Люксембургъ, Роландъ-Гольстъ и т. д.) и тѣмъ дать объективный показатель обострения всѣхъ отношеній.

Русско-японская война и ея послѣдствія (1904—1906), затѣмъ революція въ Турція, революція въ Персіи, революція въ Китаѣ, т. н. агадирскій инцидентъ, едва не приведшій тогда же къ войнѣ Германіи съ Франціей, аннексія Босніи и Герцеговины, итальяно-турецкая война, балканскія войны наполнили десятилѣтіе 1904—1914 г.г., подняли, раздули, разожгли и обострили всѣ вопросы, мирно тлѣвшіе подъ тепломъ въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій.

Для Европы всѣ эти процессы протекали на фонѣ столь же рѣзко обострившейся внутренней, соціальной борьбы. Повышенное настроеніе низовъ за десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ и проявившееся въ такихъ знаменательныхъ формахъ, какъ движеніе горнорабочихъ, докеровъ, желѣзнодорожниковъ и т. д. въ Англіи и Франціи, какъ моабитскія событія въ Германіи, — составляли характернѣйшее явленіе того времени. Въ то же время на низшіе классы населенія свинцовой тяжестью ложится все растущая дороговизна, — прямой результатъ практики трестированной и картеллированной промышленности (трестъ есть продуктъ XX вѣка!), экспорта европейскихъ капиталовъ въ заокеанскія и вообще колоніальныя области (опять-таки характернѣйшая черта первыхъ

десятилѣтій XX в.!) и усиленныхъ вооруженій, связанныхъ съ лихорадочными настроеніями въ международной политикѣ. Степень истощенія платежныхъ силъ населенія уже тогда достигала такого уровня, что заставляла правительства въ поискахъ новыхъ финансовыхъ источниковъ обращаться за ними къ болѣе зажиточнымъ группамъ и создавать такіе соціальные эксперименты, какъ единовременный милліардный налогъ на доходы въ Германіи (извѣстный законъ 1913 г.) и такіе соціальные конфликты, какъ борьба либеральнаго кабинета Асквита и Ллойдъ-Джорджа съ палатой лордовъ въ Англіи.

Войны, ведшіяся еще покуда на периферіи капиталистическаго, европейскаго міра, но поднимавшія всѣ противорѣчія, жившія внутри него, бѣшенное соревнованіе національныхъ капиталовъ, которые достигли высокой степени централизаціи и для которыхъ явно становились слишкомъ узкими рамки, данныя государственными границами,—ростъ на этой почвѣ имперіализма наверху и обостреніе недовольства внизу—все это вновь ставило на очередь давно отодвинутые на задній планъ коренные политическіе вопросы.

Мы упомянули уже борьбу съ соціальной властью палаты лордовъ. Только теперь вновь призывается къ жизни вопросъ ирландскій, забытый, казалось, со временъ, Гладстона и Парнелля. Въ Германіи мирно влачившій въ теченіе 50 лѣтъ свое существованіе вопросъ объ избирательной реформѣ въ цитадели юнкерства, Пруссіи, выносится на улицы. Во Франціи борьба ведется вокругъ вопроса о срокѣ службы и поднимается до степени общаго вопроса о соціальной политикѣ республики. На самомъ западѣ Европы, въ Португаліи, падаетъ власть клерикаловъ и дворянства, непосредственно переходя въ руки республиканцевъ. Въ Бельгіи, Даніи, Швеціи соціалисты получаютъ приглашеніе вступить въ министерства, и во всѣхъ странахъ безъ исключенія наблюдается невиданно-быстрый ростъ подаваемыхъ за нихъ голосовъ и повышеніе ихъ активной роли въ парламентахъ, въ печати, вообще во всей жизни государствъ. А въ то же время происходитъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ торжествующихъ имперіалистическихъ началъ консолидація господствующихъ классовъ, сліяніе ихъ въ единый станъ. На почвѣ реальнаго сплоченія вокругъ организованной промышленности и финансоваго капитала и реальной зависимости отъ него всѣхъ буржуазныхъ элементовъ, господствующіе группы и классы

теряютъ послѣдніе остатки «вольнолюбія», входятъ въ союзъ съ остатками феодализма, создаютъ культъ сильной власти, идеологію открытаго насилія и неограниченнаго господства. Обратная сторона процесса «быстраго роста капитала», та сторона, которую Марксъ называлъ «расширеніемъ соціальной пропасти», явно беретъ верхъ надъ его лицевой стороной, тѣмъ относительнымъ ростомъ матеріальнаго обезпеченія, который спорадически могъ на первыхъ стадіяхъ имѣть мѣсто для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ трудящихся.

Современная война, несмотря на всю свою грандіозность, съ точки зрѣнія тенденцій имперіалистическаго капитала является только эпизодомъ среди бывшихъ и будущихъ столкновеній, создаваемыхъ ходомъ развитія послѣдняго. Она создана имперіализмомъ и столкновеніе имперіалистическихъ интересовъ національно-организованныхъ капиталовъ составляетъ ея содержаніе. Она, поэтому, призвана отнюдь не остановить процессъ развертыванія имперіализма, со всѣми присущими ему противорѣчіями. Наоборотъ. Она послужитъ,—какъ бы она ни кончилась,—энергичнѣйшимъ толчкомъ къ дальнѣйшему, еще болѣе интенсивному, еще болѣе бурному его развертыванію.

Германія уже теперь позволяетъ судить о томъ, что это значитъ. Ея жизнь уже сейчасъ служитъ примѣромъ того, что торжествующій имперіализмъ долженъ явиться ареной самыхъ широкихъ, самыхъ рѣзкихъ соціальныхъ конфликтовъ, что онъ неминуемо приводитъ къ этимъ конфликтамъ и что содержаніемъ ихъ должно стать не что иное, какъ попытка рѣшить основные вопросы современной соціально-хозяйственной жизни. А формы рѣшенія подобныхъ вопросовъ далеко выходятъ за предѣлы того фетишизма легальности, парламентаризма и т. п., о которомъ мы говорили, какъ о характерной чертѣ предшествовавшей эпохи...

Соціальныя проблемы, обострившіяся еще до кризиса, воинствующимъ имперіализмомъ не только не могутъ быть устранены, но, наоборотъ, въ созданномъ имъ и естественно-выросшемъ изъ него міровомъ столкновеніи должны пріобрѣсти невиданную до сихъ поръ жгучесть и принять грозно настоятельный характеръ. Такая крупная индустріальная страна, какъ Германія, на другой день послѣ мірового столкновенія вынуждена будетъ считаться съ грандіозной растратой накопленнаго труда, съ крупнѣйшими потерями въ наличныхъ рабочихъ силахъ и, слѣдовательно, съ необходимостью реорганизовать все свое хо-

зяйство на такихъ началахъ, которыя гарантировали бы наиболѣе планомѣрную и производительную работу всего организма. Общественный характеръ производства, монополизированнаго отчасти синдикатами, а отчасти союзомъ синдикатовъ съ государственной казной, и частный характеръ присвоенія должны будутъ въ своемъ противорѣчіи выступить впередъ съ особой остротой. Осуществленіе государственно-хозяйственныхъ задачъ, которыми германскія руководящія группы принуждены уже заниматься во время войны и съ особенной энергіей будутъ принуждены заняться послѣ нея,—осуществленіе этихъ задачъ государственной организаціи хозяйственной жизни подъ ферулой финансоваго капитала не можетъ привести ни къ чему иному, какъ къ глубочайщему кризису. Содержаніемъ его должно стать стремленіе самихъ производителей взять въ свои руки руководительство производствомъ, уже подготовленнымъ къ общественному контролю.

Процессъ долженъ будетъ протекать усиленнымъ темпомъ подъ высокимъ давленіемъ того пресса, который созданъ грандіознымъ ростомъ государственнаго долга и, слѣдовательно, соотвѣтствующимъ ростомъ налоговъ. Высчитано, что оплата уже заключенныхъ Германіей займовъ вызоветъ удвоеніе налоговъ. Къ концу войны рабочему придется половину своего заработка отдавать въ формѣ налога — въ руки кредиторовъ государства.

Въ ту же сторону будетъ дѣйствовать и дороговизна, которой не сможетъ побѣдить никакая монополія и которая должна будетъ расти, какъ неизбѣжный результатъ дѣятельности окрѣпшихъ въ атмосферѣ войны трестовъ, синдикатовъ и, вообще, цѣлаго ряда глубокихъ пертурбацій въ ходѣ мірового хозяйства.

Тѣ, кто на основаніи 2-3 десятковъ лѣтъ мирнаго развитія проповѣдовали „притупленіе противорѣчій“, должны будутъ съ ужасомъ и недоумѣніемъ остановиться передъ широтой разверзшейся пропасти. Нужно только сказать, что и ихъ противники, поскольку и они въ своихъ возраженіяхъ оперировали опытомъ и нормами доимперіалистической эпохи, не могли представить дѣйствительныхъ размѣровъ этой пропасти. Эта пропасть пожретъ и тѣ „болѣе жирныя крохи“ матеріальнаго улучшенія, которыя опредѣляли оппортунистическую идеологію и психологію, и тѣ „смутныя догадки“ объ обогащеніи отъ имперіализма, которыя могли привязать нѣкоторые слои рабочихъ къ колесницѣ послѣдняго.

Чудовище имперіализма, пожирающее сотни тысячъ жертвъ, есть законное дѣтище тѣхъ соціальныхъ отношеній, которыя еще А. И. Герценъ назвалъ „антропофагіей“. Систематическая, изодня въ день практиковавшаяся „мирная“ антропофагія привела, въ концѣ концовъ, къ антропофагіи въ грандіозномъ масштабѣ. Это какъ нельзя болѣе естественно. Плакаться надъ послѣдствіями, не прикасаясь къ причинамъ, значитъ, издѣваться и надъ логикой и надъ тѣми, кто болѣе всего страдаетъ подъ властью этой желѣзной логики фактовъ.

Мечта объ уничтоженіи имперіалистическихъ тенденцій при сохраненіи всѣхъ условій „мирной“ антропофагіи,—это, въ лучшемъ случаѣ, именно мечта, невинное благопожеланіе невинныхъ въ познаніи современной жизни душъ, чаще же своекорыстно эксплоатируемая реакціонная утопія.

Человѣчеству нѣтъ дороги *назадъ*, къ замкнутому національному производству, къ національнымъ раковинамъ, къ провинціальной ограниченности былыхъ эпохъ, къ выросшей въ этой атмосферѣ либеральной и либерально-національной идеологіи.

Историческая задача послѣдней, имперіалистической стадіи капитализма именно въ томъ, что она—противорѣчивымъ, безжалостно-насильническимъ образомъ—открываетъ путь къ преодолѣнію духа исключительности, замкнутости, что она создаетъ арену борьбы въ міровомъ масштабѣ и придаетъ ей міровой размахъ, втягивая въ процессъ движенія новыя милліонныя массы,—въ томъ, что она въ рѣшительной формѣ выдвигаетъ коренные вопросы человѣческаго общежитія и мобилизуетъ для ихъ рѣшенія соотвѣтствующія силы.

Дѣйствительная борьба противъ имперіализма возможна только съ точки зрѣнія болѣе высокаго соціальнаго идеала, на имъ же созданной *міровой* аренѣ, на уровнѣ *его* методовъ и поставленныхъ имъ задачъ. Только это и можетъ быть противопоставлено имперіализму, а не отжившая либерально-демократическая идеологія самодовлѣющей провинціальности и національнаго индивидуализма. Ею въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій питались народы Европы, но нынѣ ходомъ событій, она превращена въ жвачку беззубыхъ и безсильныхъ старцевъ либерализма и пацифизма quand même. Въ большинствѣ же случаевъ эта идеологія является нынѣ просто средствомъ систематическаго обмана массъ представителями воинствующаго имперіализма. Дѣло не мѣняется отъ того, что эта идеологія, претворенная въ „простые законы

права и нравственности", служитъ для нѣкоторыхъ „марксистовъ" методомъ перехода на новыя позиціи соціалъ-шовинизма. Логика обязываетъ и превращаетъ людей, разъ ставшихъ на эту почву, въ дѣятельныхъ пособниковъ старыхъ силъ стараго міра.

Интернаціоналъ погибъ потому, что по своей психологіи, по методу работы онъ оказался ниже уровня событій. Въ общемъ и цѣломъ,—а въ общемъ и цѣломъ его идейно-политическое лицо опредѣлялось господствомъ въ немъ центра германской соціалъ-демократіи,—онъ жилъ въ кругу практики, созданной предшествовавшей эпохой, только начиналъ еще осваиваться съ новой обстановкой, когда развитіе имманентныхъ силъ современнаго общества потребовало въ самой рѣшительной формѣ отвѣтовъ на новые вопросы. Новое и жизнеспособное можно строить не на его искусственномъ оживленіи, не на компромиссахъ, а на учетѣ новаго опыта, на почвѣ новыхъ стремленій новой эпохи мірового развитія.

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА

Б. Г. Данскій. Страховая кампанія (распр.) . . . . . — р. 20 к.
Страхованіе рабочихъ въ Россіи на Западѣ, подъ редакціей **Б. Г. Данскаго.** Вып. 2-й . . . . . 1 „ 75 „
Вып. 3-й . . . . . 1 „ 50 „
А. И. Предкальнъ. Мытарства страх. законовъ . . . . . — „ 10 „
Б. Соловьевъ. Леченіе раб. по зак. 23 іюня 1912 г. . . . — „ 15 „
Б. Соловьевъ. Больничныя кассы . . . . . — „ 3 „
Б. Соловьевъ. Бойкотъ больничныхъ кассъ (распр.) . . . — „ 3 „
Ольга Сольская. Работница и страхованіе (3 изд.) . . . . — „ 5 „
А. Кожебаткинъ. Больн. кассы горныхъ и горнозав. рабочихъ — „ 5 „
Б. Соловьевъ. Горнорабочіе и страхованіе . . . . . — „ 2 „
Докторъ В-въ. Общая больничн. касса и врачебная помощь — „ 2 „
Д. С. Р. Рабочій уставъ больн. кассы (3 изд.) . . . . . — „ 20 „
Уставъ общегородской Петербургской кассы (распр.) . . — „ 6 „
Г. Шульцъ. Лейпцигская больничная касса . . . . . — „ 2 „
Г. Шульцъ. Страхованіе въ Англіи и у насъ . . . . . — „ 2 „
Ф. Штурмъ. Фабричныя больнич. кассы въ Германіи . . . — „ 2 „
Вивъ. Правила для участниковъ кассы . . . . . — „ 2 „
А. Богдановъ. Введеніе въ политическую экономію . . . . — „ 40 „
К. Сталинъ. Національный вопросъ и марксизмъ . . . . . — „ 20 „
Отто Рюле. Основные вопросы воспитанія . . . . . — „ 60 „
С. Петровъ. Правда и ложь о евреяхъ . . . . . — „ 7 „
Г. Зиновьевъ. Свобода коалиціи . . . . . — „ 3 „
Г. Зиновьевъ. Вокругъ свободы печати . . . . . — „ 3 „
М. Горькій. Вездѣсущее (распр.) . . . . . — „ 3 „
Ю. Стекловъ. Рабочее движеніе во Франціи . . . . . — „ 5 „
В. Невскій. Доля шахтера . . . . . — „ 5 „
Сборникъ пролетарскихъ писателей, книга 1-я; съ пред. **М. Горькаго** . . . . . — „ 40 „
Вивъ. Трудъ и здоровье рабочихъ . . . . . — „ 35 „
Г. Цыперовичъ. Синдикаты и тресты . . . . . — „ 15 „
Вл. Войтинскій. Безработица и локауты . . . . . — „ 8 „

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

издательства „Прибой“—въ книжномъ складѣ „Огни“.
Петроградъ Фонтанка, 80, кв. 2.

и въ конторѣ журнала „Вопросы Страхованія“,
Петроградъ, Загородный пр., 17, кв. 77.

ВЪ МОСКВѢ: Книжный складъ Е. Д. Трауцкой. Волхонка, 7.

1 р.

Н. Скопинъ. Вокругъ Циммервальда . . . . . — р. 30 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Р. Арскій. Кооперація и рабочій классъ.

Ю. Каменевъ. Соціальное содержаніе имперіализма.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „ВОЛНА“:

книжн. скл. „ОГНИ“, Петроградъ, Фонтанка, 80.

Тип. І. Лурье и Ко., СПБ., Горох 46